

ПУТЬ ПРЯМОЙ И СМЕЛЫЙ

Семьдесят пять лет жизни и полвека работы в театре... Артист, режиссер, педагог, учитель молодых актеров, неутомимый общественный деятель, широко известный театральной России... Трудно переоценить все богатство жизни в искусстве, которое выпало на долю народного артиста РСФСР Николая Александровича Левкоева.

Роли подсчитать точно — сложное дело. Среди них — и классические, и современные, и главные, и «проходные»... В классическом репертуаре талант Левкоева нашел себя в первую очередь в пьесах А. Н. Островского и А. М. Горького. Эта драматургия — две эпохи в истории русского театра, две революции в театральном искусстве. Серьезность и ответственность, с которыми артист относится к своему призванию, вполне естественно обусловили его внимание к такой драматургии. Роль выливается, как песня, зритель не знает и не видит того огромного труда, точного расчета, больших раздумий и совершенно необычных, незаурядных для актера познаний, которые были мобилизованы артистом для поставленной цели. В работе Н. А. Левкоева всегда сохраняются лучшие традиции русского актерского мастерства, русской театральной школы, всегда дававшей образцы подлинно художественного подвижничества и высокой гражданственности.

Страшный Чугунов («Волки и овцы»), самодовольный и ехидный Юсов («Доходное место»), тупо-претенциозный Мамаев («На всякого мудреца довольно простоты»), злобещий Коршунов («Бедность — не порок»), монументальный Градобоев («Горячее сердце»), суевликий и видимо-беспечный Аркашка («Лес»), несчастный Тихон, благородный и наивный Кулигин («Гроза») — да разве перечтешь всех предельно выразительных, пластически, мастерски сплеленных персонажей пьес Островского, сыгранных на долгом актерском веку Левкоевым!

Социальная типичность, тонко соединенная с неповторимой индивидуальностью, калейдоскоп точно подмеченных бытовых деталей... Чего стоит один «сюртучишка» Аркашки Счастливецова, маленького комика, странствующего пешком в поисках ангажмента из Вологды в Керчь и обратно! Левкоев всегда учитывает каждый штрих одежды героя и лично проверяет весь реквизит, нужный для каждой роли. Священная дотошная педантичность, очень раздражающая иных театральных деятелей, которые верят только

К 75-летию Н. А. ЛЕВКОЕВА

в «порывы вдохновения»... Нет, Левкоев никогда не изменяет своей истовой серьезности, чудеса перевоплощения у него тщательно готовятся, обдумываются, рассчитываются. Без инженерных расчетов никакие «озарения» не вспыхивают на сцене.

Неутомимый пропагандист творчества Горького, Левкоев, как режиссер, поставил некогда спектакль «Мещане» на сцене Горьковского ТЮЗа. Поставил с удивительно тонким пониманием природы новаторской драматургии Горького. Вроде бы совершенно традиционно все — и все же из первой пьесы Горького, написанной на заре нашего века, извлекается как раз то, чем она может привлечь внимание современного советского человека, чем она решает проблемы современной борьбы за коммунизм. В этом спектакле современник узнает в мещанах 1902 года живучий и подлый собственнический эгоизм, плаксивый и злобствующий индивидуализм мещанина наших дней. «Мещанство — проклятие мира, оно пожирает личность изнутри, как червь опустошает плод», — вот эти слова Горького можно было бы поставить эпиграфом к умному и сложному спектаклю Н. А. Левкоева.

Роли в пьесах Горького — вершина актерских побед Н. А. Левкоева. В «Мещанах» артист острыми приемами раскрывает бесполезность, неадекватность, бессилие перед жизнью у веселого бродяжки Перчихина. Чуть заметным и растерянным, и сразу уменьшается симпатия зрителя к веселому, доброму, искреннему старику, уменьшается ровно настолько, насколько это нужно, чтобы понять, что такое Перчихин в жизни, и не возлагать на них больших надежд. Дialeктика характера горьковского персонажа выступает здесь в сценическом воплощении необычайно убедительно.

Инженер Суслев из «Дачников»... Жесткое лицо, немигающий взгляд холодных глаз, резкий, напористый тон. Жесткое самодовольство, уверенная насмешка над всем, что не укладывается в схему его мракобесия, — и рядом злобно, больное неистовство ревности и страсти, уродливой, эгоистической любви. Не

боясь гротеска, резких внешних соедств, Левкоев в этой роли прибегает к реализации метафоры. Вот Суслев корчится на сцене в приступе бессильной злобы; мрачные слова: «Человек прежде всего — зоологический тип — вот истина... Все вы — скрытые мерзавцы...», и разбросанные клочья сена, и тяжелая приземистая фигура Суслева в этом «вороньем гнезде» — все это создает острый зрительный образ, вызывает множество ассоциаций, выясняет звериную мещанскую философию, степень опасности этой мертвечины для живых людей, и тут же — непрочность мещанской уверенности в своей правоте, зыбкость индивидуалистического бытия.

Столь же резко и остро отчеканен образ фабриканта Василия Достигаева. Задумав подставить революции «ножку на крутом повороте, на неведомой дороге», Достигаев у Левкоева мрачно сосредоточен, но и испуган, растерян от неодолимости надвигающейся на него бури. Любимая игра словами становится у него средством спрятаться не только от окружающих, но и от себя самого. И тогда шансонеточка сквозь зубы, и беспрестанное шевеление толстых пальцев, закованных в перстни, и мелкие шажочки по комнате, и зычкий физиологический испуг перед выстрелами — все эти сатирические детали как бы укрупняют образ. Такая же сатирически окрашенная детализация становится и основной образ часовщика Яковлева в «Фальшивой монете». Помните, как суеливо и в то же время важно Яковлев-Левкоев то и дело поглядывает на часы, когда совершенно машинально, — подсознательно «лезет» идея управления человеческим временем, господства над часами жизни людей. Но время фальшивомонетчиков на земле кончается.

В долгой актерской жизни Левкоева — Чехов, Тургенев, Грибоедов, Гоголь, Шекспир, Шиллер... Исполнение роли хитрого царедворца Полония, наверное, заслуживает того, чтобы его считали хрестоматийным: настолько это исторически точно, прочувствованно, сочно, достоверно и живо. Режиссерские работы, сделанные в лучших реалистических традициях, у Левкоева тоже почти всегда были связаны с классической драматургией (Шиллер, Островский, Сухово-Кобылин, Горький).

И, наконец, советская драматургия... Здесь всего отчетливее выявляется широчайший диапазон актера — от самых низких, «подземных» нот до самого светлого, «высокого регистра». Ехидный и

Николай Александрович Левкоев.

злобещий «градской голова» Фаюнин («Нашествие» Леонова) и богатырь Валько («Молодая гвардия» Фадеева), холодный, умный и нечеловечески жестокий полковник Мадзимур («На той стороне» Борянова) и светлая душа, старый рабочий Забродин («Ленинградский проспект» Штока).

И образ В. И. Ленина в спектаклях «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Незабываемый 1919-й». В этой главной роли своей актерской жизни артист совершенно независим от всех предшествующих классических трактовок роли. Образ Ленина у него лишен излюбленной иными исполнителями преувеличенной эмоциональности, романтической экзальтации; перед нами прежде всего мыслитель и человек, для которого дело революции — вся его жизнь, без остатка. Здесь — та же мудрость решения, которая всегда была основой великих побед советского искусства, которая идет от поэтического гения Маяковского, нашего единственно верный путь, чтобы поистине обнять необъятное:

Тленью не взять — ни земле,
ни золе —
Первейшее в Ленине — дело!
Левкоев, как актер, обладает

точным и умным прицелом, средствами беспощадного анатомирования жизни, чтобы исцелять, чтобы дать цветение этой жизни. Глубина содержания в работах Левкоева всегда соединяется с умной заботой о форме. Об этом трудно рассказать — это надо видеть. Пластика, жест, мимика, движение рук в особенности — это ведь не всякий на сцене умеет, сколько актеров ограничивается лишь приблизительным «паданием». У Левкоева облик героя обретает скульптурно выразительную форму, лепится мастером прямо на ваших глазах, подчеркивается, точно резцом. Не помню ни одной актерской работы у Левкоева — даже в самых «серых» пьесах, — где бы из бездонного арсенала приемов актер не извлек чего-то нового, не виданного нами раньше.

Были, разумеется, и огорчения, и неудачи, но все это, вместе взятое, и называется жизнью актера-коммуниста — трудной и «счастливой, завидной судьбой. Жизнь эта идет напрямик — по дороге раз и навсегда выбранного призвания. Пусть длятся и длятся дни мудрого и яркого творчества большого артиста!

А. АЛЕКСЕЕВА.
Фото Н. КАПЕЛЮША.

ГОРЬКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Г. ГОРЬКИЙ
3 НОЯ 1966